

Есть на земле такие места, где даже в самые тяжелые времена дышится легче и думается чище. Одно из таких священных мест нашего Отечества — Ясная Поляна. Некогда имение графа Толстого, а ныне Государственный мемориальный и природный заповедник. В течение многих лет в день рождения Льва Николаевича Толстого здесь собираются писатели из разных углов земного шара. Форум, впервые проведенный в 1996 году, называется просто и содержательно: Международные яснополянские писательские встречи. Цель этих встреч — найти соприкосновение разных точек зрения в непосредственной близости к учению великого гуманиста.

Так вышло, что мое сообщение прозвучало в контексте дискуссии как полемическое выступление против политических тенденций, обозначившихся в речах Петра Краснова и Владимира Бондаренко. Я говорил о возвращении литературы к ее истоку — к поискам ответа на основной вопрос человеческого существования: зачем человек

творчество прежде, чем сумеем договориться о главных ценностях, общих и непреложных для всех добрых людей. Эта позиция оказалась близка многим. Что проявилось еще раз на следующий день, когда мне вместе с Михаилом Кураевым пришлось возражать Владимиру Личутину в споре о войне и мире в наши окаянные дни.

Творчество Льва Толстого стало одной из вершин мировой культуры. И не только загадка русской души, заданная героями его

Один из трактатов Льва Толстого носит характерное название: "Так что же нам делать?". Извечный вопрос, измучивший поколения русских теоретиков и практиков... А ясности в нем не больше, чем прежде.

В один из дней форума шел разговор о детях. Владимир Толстой резко высказался против установления вместо экзаменов практики тестов, практически разрушающей великую русскую школу. Система воспитания и образования, разрабатываемая сегодня в Ясной Поляне как реализация мечты Левушки Толстого о муравейном братстве, требует особого разговора. Мне кажется, что это семечко счастливой России.

Для того, чтобы в настоящем было больше справедливости и милосердия, чем в настоящем, миллионы людей ежегодно приходят поклониться простому холмику без креста — могиле Льва Толстого. Самые разные пути чудесным образом сходятся в Ясной Поляне. Здесь схоронено его тело. Здесь сохранен его дух. Страстный и мятежный, мятущийся между земной правдой и небесной истиной. Урок яснополянских писательских встреч — урок не изящной словесности, но ответственности писателя.

Одним из эпизодов форума стала презентация книги "Время жить", сборника рассказов писателей Абхазии, Азербайджана, Армении, Грузии и Осетии. Грузинский поэт Шота Иаташвили представил ее как шаг к пониманию и шаг к миру на Южном Кавказе. Книга была издана в Майкопе при финансовой поддержке британской неправительственной организации "Международная тревога". Мировая общественность озабочена кавказской проблемой... И тогда я задал один простой вопрос, откровенно риторический: на каком языке издана книга? Шота с ходу, не думая, ответил: на русском... И в зале стало как-то легко и свободно. Пока русский остается языком взаимопонимания, наше будущее остается общим. Хочется верить, что оно общее у всех читателей Толстого.

Владимир ЕРМАКОВ.

На снимках: В. Бондаренко и В. Ермаков; под веймутовой сосной.

ФОРУМ ПИСАТЕЛЕЙ

В ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ

Инициаторами и руководителями форума в Ясной Поляне стали два авторитетных лидера — прямой потомок Льва Николаевича директор музея Владимир Толстой и всемирно известный писатель Анатолий Ким. На IX Международные писательские встречи, проходившие с 7 по 12 сентября, были вынесены темы, обозначенные словами, взятыми из толстовских дневников: "Одумайтесь!"; "Совсем сумасшедшие управляют всем"; "Цивилизация зашла в тупик. Дальше некуда..."; "Дети — люди серьезные"; "Литература была белый лист, а теперь он весь исписан. Надо перевернуть или достать другой...". Около полусотни писателей собрались под сенью знаменитой веймутовой сосны и разбирались по предложенным темам... но сказать, что разобрались в них, я бы не рискнул.

Начало дискуссии положил Игорь Золотусский, один из русских критиков с мировым именем. Игорь Петрович не раз приезжал в Орел в ходе своих архивных изысканий и сохранил о нашем городе самые лучшие воспоминания. По его мнению, музеи и библиотеки провинции суть та питательная среда, в которой до сих пор живы лучшие традиции русской интеллигенции.

Трудно, невозможно быть бесстрастным аналитиком своего горя. (А чужого горя не бывает...). Страстный и запальчивый подход Петра Краснова (Оренбург) к толстовскому изображению чеченской проблемы в "Хаджи-Мурате" и освещению ее либеральными журналистами в наши дни на-

калил прохладу поляны так, что в воздухе запахло порохом. Трудно сохранить беспристрастность, когда мирные люди ежедневно становятся заложниками и жертвами агрессии зла. Однако великий долг культуры — не позволить возобладать предвзятости. Выступивший вслед Александр Эбаноидзе (Москва) первой и главной заботой писательского сословия счел необходимость во дни безвременья сохранить литературу в рабочем состоянии — в состоянии ответственности за слово. Его поддержал Михаил Кураев (Санкт-Петербург), переложивший высказывание Толстого о семейной жизни на взаимные счеты стран СНГ: в них нет правды, одни обиды. Уравновесивший ход разговора вновь нарушил решительной речью известного публициста Владимира Бондаренко (Москва).

живет? Мы не сможем найти надежное решение наших ежеднев-

великих романов, волнует западного читателя. Участница встреч Сельма Ансира, профессор Барселонского университета, перешла на испанский дневники писателя. К счастливому изумлению издателя, книга стала бестселлером: в течение года разошлось два издания. И это не случайно. Учение яснополянского гения, обусловленное тревогой духа и мукой мысли, отвечает насущной нужде наших дней в справедливости и милосердии. В кризисное время мир заново пе-

реосмысливает его религиозные и философские поиски.

Фото Владимира ЕРМАКОВА.

По грибы едем, за опёнками. Летят навстречу лесополосы с вечно большими облысевшими тополями. За машиной брезжит заря, сыплет перед нами длинные и низкие лучи по макушкам деревьев.

Загустел туман в низине, лезет к нему от Хотынца слизь косматых облаков.

Ведет нас грунтовка лесной чащобой среди пыльного бурьяна глубокой тракторной колеи. Серая мука дорожной пыли вырывается из-под колес, окутывает сзади лапы ближайших сосен и елей. Ямины и рытвины с коричневатой дождевой водой прерывают наш путь.

Разбираем из багажника рюкзаки и корзины, осматриваем под сводами старых елей. Изумрудные макушки их увешаны гирляндами бурых шишек. От верхового ветерка шишки слегка покачиваются, царапают друг друга чешуйками, трутся об иголки, приятно шуршат, как бы переговариваются на своем еловом языке. Воздух родниковой свежести ручейся между стволами, изредка играя какими-то светлыми пушинками на солнце.

Уходим кто куда по своему усмотрению. Сумрачно и сыро в глубине ельника. Травы почти нет, лишь попадаются на пути крапива и папоротник, еще зеленые, но подернуты крапчатой рыжестью, а вокруг них мягкая серо-желтая хвойная подстилка да плесневые шишки, чухлые кустики боярышника, бузины, шиповника. Стоят островками заросли акации и малины.

Орешник совсем облетел, грустит голыми ветвями, не поймет, что с ним произошло. Оборвется иногда забытый ветром лист под собственной тяжестью, не спеша покружит, как бы высматривая, где приземлится, и идет дугою вниз. Серая сетка ветвей залавливает густую просинь неба, а под ногами повсюду лежит изумительный рыже-багрово-золотой ковер сухой лещи-

новой листвы. Поодиночке, по двое, а то и лучком начали попадаться опёнки, чистые, светло-коричневые, подорешниковые. Они бывают долго, почти до заморозков.

Неподалеку шуршит кто-то, с плетеной корзиной, опытный. Ведро — плохая тара для грибов, как и полиэтиленовые пакеты. Даже в рюкзаке грибы греются без доступа воздуха. Химическая реакция идет — гре-

Михаил ТУРБИН

ОПЯТА-ОПЁНКИ

ются, аж рукой чувствуешь, а значит, теряют свои питательные качества. Не больше часа-полтора держать можно. Плетеная из лозы корзина — самая подходящая вещь.

— Привет, какие успехи?

— Смотри сам...

Мать честная! В корзине полно золотистых опят. Да каких! На мои опёнки смотреть не хочется. Ничтожные по сравнению с этими. Здоровенькие, можно сказать, мордастенькие с коричневатой присыпкой внутри, как бы ваткой. Сырными в рот просыются. Удивил! Показал как пристыдил. И ни тени хвастовства, ни капли важности на лице — простой местный парень. И точные ориентиры дал:

— Вон туда иди, метров через семьсот другой орешник. Там на всех хватит и еще останется...

Вышли с приятелем на край поляны. Стоят на ней огромные корявые березы, спускающая сверху вниз нити своих тоненьких ветвей с бронзовыми монетками листвы. Сыплются, сыплются щедро сами по себе нам навстречу, подсыхая на солнце в осенней тишине. Слева от поляны тянется вырубка с кустами акации и какой-то штыко-

вой порослью. Потом попадаем под сень вековых елей с зеленым мохом у подножия стволов. Узловатые корневища, как лапы динозавров. Густая крапива по-летнему свежа и лезет под ноги.

Натыкаемся на длинные, параллельные друг другу, ровтики с малюсенькими колбыльными елочками. Такие первые пять лет слабо развиваются, почти не прибавляют в

росте, нередко гибнут, а целешивые потом ежегодно на глазах вымахивают.

— Есть! — радостно сообщает Анатолий.

Я и без него уже вижу.

Режем и режем опёнки неподалеку друг от друга, изредка покуривая. Тишина вокруг стоит редкая, выжидающая что-то мистическое. Странный покой наполняет душу — ты это или не ты? Что было до этого, ровным счетом наплевать, поскольку его не было вовсе. Благодать, ниспосланная незаслуженно навеки.

Было время, отправлялись в мою корзину всякие опята по окрасу: светло-коричневые, темно-серые с желтизной и зеленоватостью и еще бог весть какие. Были тонконогие и толстоногие, низкие и рослые, с плоскими шляпками и нисходящими — колпачком, растущие от одной грибницы, колониями и вразброс: кругами, дугами, цепочкой. Собирал на пнях, на стволах, на лугах, но такие золотистые и в таком количестве — впервые. Режу и режу, и все хорошо.

Не замечаю ни птиц, ни лягушек, ни мурашек. Двухведерная корзина полна, рюкзак битком, пакет тоже. Всё, пора к машине. Мой приятель затаил, подожду, а он и наполюину свою тару не заполнил.

— Толя, помочь?

— Давай, если желание есть!

Минуто, другую подрезываю ему опята в корзину и вдруг слышу:

— Ты какие мне кладешь? Я такие не беру!

— Режу, как себе, чудесные...

— Мне такие не нужны! Я подрезаю определенного размера: не больше, не меньше.

И показывает, какие именно.

— Ах, леший тебя побери! Ты, оказывается, с изысканным вкусом! Тогда трудись себе, а я пошел. Извращенец ты после этого...

Ни через полчаса, ни через час Анатолия не было. Мы чуть не посадили аккумулятор, сигналами оглашая лес.

Наконец явился. В глазах вина, как у волшебника, попавшего впросак. Заблудился чуть-чуть и дал огромного крюка. Бывает. Шаблыкский лес — серьезный. Сам убеждался в этом не раз.

Вылазка удалась — привезли золотые опёнки.